

ПЕПЕЛ ЕЁ НЕВИННОСТИ

Verbena

18+

Verbena Verbena

Пепел её невинности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73056518

SelfPub; 2026

Аннотация

Сара просыпается в мрачном замке, не помня, как туда попала. Её забрал демон – самозванный «хозяин», читающий мысли и знающий о ней всё. Для него её невинность – не дар, а инструмент разрушения.

Стены замка шепчут запретные тайны, время течёт вспять, а реальность смешивается с кошмаром. Сара теряет себя: её чистота обращается в пепел, надежды рассыпаются, душа цепенеет от ужаса. Но в бездне страха рождается искра сопротивления. Сможет ли она превратить пепел своей невинности в пламя возмездия? Или тьма поглотит её навсегда?

Мрачное хоррор-фэнтези о борьбе за свободу, трансформации боли в силу и надежде, рождённой в бездне отчаяния.

Содержание

Пролог "Пепел пробуждения"	4
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пепел её невинности

Пролог "Пепел пробуждения"

Сара очнулась от ледяного прикосновения сырости к щекам. Темнота обступила её со всех сторон, густая, осязаемая – будто кто-то накрыл её чёрным бархатным покрывалом. В воздухе висел тяжёлый запах: затхлая вода, гниющие листья, старая известь. Где-то капала вода – монотонно, как часы, отсчитывающие вечность.

Она попыталась пошевелиться – и тут же ощутила холод металла на запястьях. Цепи. Тяжёлые, ржавые, с острыми краями, врезающимися в кожу.

«Я... дома? Нет. Это не моя комната».

Последнее воспоминание – мягкий свет ночника, запах лаванды от постельного белья, её собственная рука, натягивающая одеяло до подбородка. «Спокойной ночи, мама», – прошептала она тогда в пустоту спальни.

Теперь же – только тьма, холод и этот тошнотворный запах сырости, пробирающийся в лёгкие.

Сара сглотнула. Во рту – сухость, будто она не пила неделю. Желудок сводило от голода. Она провела рукой по лицу – пальцы наткнулись на засохшую грязь. Когда она успела испачкаться?

Вдруг раздался щелчок. Вспыхнул свет – резкий, ослеп-

ляющий. Она зажмурилась, прикрывая глаза дрожащими руками.

Когда зрение вернулось, она увидела его.

Он стоял в дверном проёме – высокий, с растрёпанными чёрными волосами, падающими на лоб. Его лицо было словно выточено из мрамора: резкие скулы, прямой нос, губы, изогнутые в злой ухмылке. Он был красив – до боли, до перехватывающего дыхания. Но в его глазах, тёмных, как бездонные озёра, таилось что-то... не человеческое.

Он шагнул ближе. От него шёл аромат – тёплый, пряный, с нотками сандала и чего-то ещё, не уловимого, как воспоминание о лете. Этот запах контрастировал с сыростью подполья, делая его присутствие ещё более нереальным.

– Ты прекрасна, – его голос был низким, бархатистым, обволакивающим. – Твои руки... Твои ноги... изящные, словно у танцовщицы. А эти волосы... белоснежные, как первый снег.

Он опустился перед ней на корточки, его пальцы коснулись её запястья, где ржавые звенья цепей оставили красные следы. Сара вздрогнула, но не смогла отодвинуться – цепи держали крепко.

– Ты даже не представляешь, насколько ты... чиста, – он наклонился ближе, его дыхание коснулось её кожи. – Твоя душа легче пера. В ней нет ни капли тьмы. Это... раздражает.

Его глаза блеснули. Он провёл пальцем по её щеке, и Сара

почувствовала, как по спине пробежал ледяной ток.

– Я мог бы сломать тебя. Мог бы испачкать твою невинность, как грязь пачкает белый шёлк. Но ты... ты не поддаёшься. Это интригует.

Он поднялся, его силуэт на мгновение растворился в свете лампы. Затем он достал из кармана маленький хрустальный флакон. Внутри переливалась жидкость цвета расплавленного золота.

– Спи, Сара. Во сне ты увидишь, кто ты на самом деле.

Он поднёс флакон к её губам. Она попыталась отвернуть-ся, но его рука сжала её подбородок— мягко, но непреклонно.

– Не бойся. Это просто сон.

Жидкость обожгла горло, и мир поплыл.

Сара стояла на лугу. Трава была зелёной, как в детских рисунках, а небо – безоблачным, ярко-синим. Вдалеке виднелся домик с красной крышей, окружённый клумбами роз.

«Мой дом», – подумала она, и сердце сжалось от тоски.

Ей было 19. Она жила в маленьком городке в штате Вермонт. Её утро начиналось с запаха свежесваренного кофе и маминых пирогов. Отец, улыбаясь, говорил: «Сара, ты – нашесолнце». Друзья звали её «ангелом» – за доброту, за умение слушать, за улыбку, которая могла растопить любой лёд.

Она вспомнила, как кормила белок в парке, как помогала бабушке нести сумки, как плакала над грустным фильмом, обнимая плюшевого медведя. В её душе не было ни капли

злости, ни тени зависти. Она была чиста – настолько, что даже не понимала, как можно быть другой.

Но теперь...

В этом сне, среди луга и солнца, она почувствовала холод. Что-то тёмное, как тень, скользило по краю сознания.

«Это не конец», – прошептал голос в её голове. – «Ты ещё не знаешь, на что способна».

Глаза Сары закрылись, и луг растворился в тумане.

А где-то в глубине замка, в комнате, пропитанной сыростью и страхом, её тело оставалось неподвижным. И только ресницы трепетали, будто пытаясь удержать последние отголоски света.

Глава 1

Тёмный виски в хрустальном бокале отливало расплавленным оловом. Демон сидел в кресле из чёрного дерева, резные когти впивались в подлокотники. Он пил не для удовольствия – для напоминания. Каждый глоток обжигающей жидкости возвращал его в тот день, когда всё началось.

Изображение сгенерировано ИИ
Автор: Verbena

Саре было девятнадцать дней от роду.
Крошечная, с пушинками белоснежных волос, она спала

в люльке, обложенной кружевами. В комнате стоял запах молока и детской присыпки – резкий контраст с тяжёлым ароматом серы, который принёс с собой демон.

Её мать – измождённая женщина с потухшими глазами – стояла у окна, сжимая в руках потрёпанный договор. Отец, ссутулившись, смотрел в пол.

– Вы понимаете условия? – голос демона звучал как скрежет металла по камню. – В день её девятнадцатилетия вы объявите её мёртвой. Ни слёз, ни прощаний. Она станет моей.

– Да, – прошептала мать, не отрывая взгляда от спящей дочери. – Мы согласны.

Отец дрожащей рукой подписал пергамент. Чернила вспыхнули алым, впитываясь в бумагу, как кровь. Демон провёл когтем по краю документа – из раны выступила густая, почти чёрная жидкость. Когда она коснулась пергамента, буквы на нём ожили, зазмеились, перестраиваясь в новые строки.

– С этого момента вы богаты, – произнёс он, и в тот же миг за окном раздался стук колёс: к дому подъезжала карета с золотыми гербами. – Но помните: её душа уже принадлежит мне.

Он взглянул на младенца. Сара приоткрыла глаза – чистые, как горный хрусталь, – и улыбнулась. Демон почувствовал, как что-то внутри него дрогнуло. Он тут же подавил это ощущение, сжал кулаки так, что когти прорезали кожу.

«Она всего лишь будущая рабыня», — напомнил он себе. Саре исполнилось девятнадцать лет.

Демон наблюдал через зеркало — незримый, но всевидящий. В доме, который когда-то был бедным, теперь стоял стол, накрытый белоснежной скатертью. Торт с девятнадцатью свечами, дорогие вина, смех, который звучал фальшиво, как разбитая скрипка.

Родители улыбались, но их глаза оставались холодными. Они говорили: «Мы так гордимся тобой», «Ты наше сокровище», но в их взглядах не было ни капли тепла. Сара же сияла — искренне, безоглядно. Она верила каждому слову, потому что не знала правды.

Когда гости разошлись, она поднялась в спальню. Демон ждал в тени у окна. Она переоделась в ночную сорочку, зажгла свечу, прошептала: «Спокойной ночи, мама», — и легла.

В этот момент он вышел из тьмы.

— Спи, — его голос обволок её, как шёлковая петля. — Завтра ты узнаешь правду.

Она даже не вскрикнула. Просто опустилась на постель, а он подхватил её на руки. Её дыхание было тёплым, доверчивым.

И вдруг...

В груди что-то дрогнуло. Непривычное, чуждое чувство — жалость.

«Нет!» — он отшатнулся, словно обжёгся.

Комната вокруг него взорвалась хаосом: он швырнул хру-

стальной шар в стену, опрокинул стол, разбросал свечи. Осколки, дерево, огонь – всё смешалось в безумном вихре.

– Ты – ничто! – его голос гремел, но в нём звучала трещина. – Просто игрушка. Одна из тысяч.

Но её рука, маленькая и хрупкая, потянулась во сне, будто искала опору в кошмаре.

Он замер.

«Почему мне больно?» – подумал он, и это признание обожгло его, как кислота.

Настоящее время: три месяца спустя

Сара сидела в каменном мешке, где стены были покрыты рунами, мерцающими в полумраке. Её волосы, когда-то белоснежные, теперь были спутаны и испачканы, но даже в грязи она оставалась прекрасной. Тонкая талия, стройные ноги, изящные пальцы – всё это вызывало в демоне смесь ярости и восхищения.

Изображение сгенерировано ИИ
Автор: Verbena

Он пытался проникнуть в её разум. Каждую ночь он являлся к ней в снах, создавая иллюзии: роскошные дворцы,

где она могла бы стать королевой, сцены страсти, где он шептал ей слова любви. Но она отталкивала его. Её душа была как непроницаемый щит – чистая, нетронутая.

Однажды он схватил её за плечи, сжал так, что кости затрещали. Она не закричала. Только посмотрела на него глазами, полными страха и... жалости.

– Мама... папа... – прошептала она, и это стало последней каплей.

Демон отшвырнул её, словно обожгшись. Он не мог вынести этого взгляда – взгляда жертвы, которая даже в муках не теряла своей доброты.

«Почему ты не ненавидишь меня?!» – хотел он закричать. Но вместо этого он стёр её память. Снова.

Каждый раз, когда он уходил, оставляя её в темноте, он чувствовал, как что-то в нём ломается. Он – воплощение зла, повелитель грехов, – не мог совладать с этой хрупкой девушкой.

Он был дьявольски красив – но красота эта была опасной. Его черты были точёными, как у античной статуи, но в глазах пылал адский огонь. Волосы, чёрные, как крыло ворона, падали на плечи, а кожа светилась бледным, лунным светом. Когда он двигался, тени вокруг него извивались, словно живые.

Его голос – низкий, бархатный – мог усыпить или разбудить зверя. Его прикосновения оставляли на коже ледяной след, а дыхание несло запах серы и роз – странное сочетание,

от которого кружилась голова.

Он ненавидел её. Ненавидел за то, что она заставляла его чувствовать. За то, что её чистота была сильнее его тьмы.

Даже сейчас, после трёх месяцев заточения, Сара оставалась ангельской. Её волосы, хоть и грязные, всё ещё сияли серебром. Её кожа была нежной, как лепестки лилии, а голос – тихим, мелодичным, как звон хрустальных колокольчиков.

Когда она говорила, даже самые простые слова звучали как молитва. Когда она плакала, слёзы катились по её щекам, оставляя светлые дорожки на грязной коже.

Демон смотрел на неё и понимал: она – его проклятие. Она должна была стать инструментом разрушения мира, но вместо этого она становилась его слабостью.

Он решил посмотреть на нее, его тянуло к ней. Он зашел в комнату, нежная измученная его муками девочка лежала на железной кровати. Её грудь поднималась и опускалась в ритме, который он мог бы слушать вечно.

«Я должен сломать её», – думал он, сжимая кулаки. – «Должен превратить её в демона. В оружие. В разрушение».

Но вместо этого он наклонился и осторожно убрал прядь волос с её лица. Его пальцы дрожали.

– Почему ты не даёшь мне тебя ненавидеть?– прошептал он.

Сара вздохнула во сне и улыбнулась.

Это было хуже пытки.

Тишина сгустилась вокруг них, как вязкий туман. Пламя

свечей дрогнуло, отбрасывая на стены причудливые тени – они извивались, будто живые змеи, пытаясь дотянуться до спящей девушки. Демон медленно выпрямился, его глаза на мгновение вспыхнули алым.

Он сделал шаг назад, затем ещё один. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, ногти впились в ладони, оставляя кровавые полумесяцы. *Слабость. Порок. Предательство самого себя.*

Но он уже не мог остановиться.

Подойдя к каменному изголовью, он провёл рукой над ржавыми цепями, обвивавшими запястья Сары. Металл зазвенел, рассыпаясь на мелкие осколки, словно был сделан из хрупкого стекла. Оковы упали на пол с глухим стуком, оставив на коже девушки едва заметные красные следы.

Она не проснулась. Только вздохнула глубже, её губы чуть приоткрылись, выпуская облачко тёплого дыхания.

Демон замер на мгновение, всматриваясь в её лицо. В полумраке она казалась ещё более хрупкой – словно статуэтка из тонкого фарфора, готовая разбиться от малейшего прикосновения.

Медленно, почти благоговейно, он приподнял её. Тело Сары было лёгким, как пёрышко, а кожа – холодной, несмотря на жар, исходивший от его рук. Он уложил её на кровать, застеленную чёрным шёлком, и на секунду задержал ладонь на её плече.

Тепло. Живое тепло.

Оно обожгло его, как раскалённое железо.

Он отдёргнул руку, но не отошёл. Вместо этого он опустился на край постели, глядя на неё сверху вниз. Её волосы разметались по подушке, образуя серебристую ауру вокруг головы. Даже в грязи и запустении она оставалась прекрасной.

– Ты – моя погибель, – прошептал он, и в его голосе прозвучала не угроза, а признание. – Но я не могу... не могу тебя сломать.

Свеча на тумбочке погасла, оставив их в крошечной тьме. Только его глаза светились в темноте – два раскалённых угля, наблюдающих за спящей девушкой.

А где-то глубоко внутри него, в самой тёмной бездне его души, что-то трескалось. Что-то древнее, жестокое, непобедимое... начинало рушиться.

Глава 2

Сара очнулась от тёплого прикосновения солнечного луча к щеке. Она приоткрыла глаза, не сразу осознав, где находится. Вместо железной кровати с цепями – мягкая постель с шёлковым покрывалом, вместо промозглого воздуха под-земелья – аромат цветущих лилий.

Первое, что она почувствовала, – голод. Желудок сводило спазмами, во рту пересохло. На прикроватном столике стоял поднос: свежие фрукты, нарезанные дольками, хрустящий хлеб, мёд в хрустальной баночке и стакан прохладной воды.

Не раздумывая, она схватила яблоко. Сок брызнул на пальцы, но она не обратила внимания – жадно откусывала кусок за куском, запивая водой. Затем потянулась к винограду, к кусочку хлеба с мёдом. Только насытившись, она смогла осмотреться.

Комната поражала роскошью: стены, обитые тёмно-бордовым бархатом, резной комод из чёрного дерева, камин с потухшими углями. И зеркало – огромное, в позолоченной раме, отражающее каждый уголок.

Сара поднялась. Её одежда – когда-то белая ночная сорочка – превратилась в грязную, изорванную ткань. На коже виднелись следы пыли и ссадин, волосы спутались в колтун. Но даже в таком состоянии в отражении проступала её необычайная красота: огромные голубые глаза, тонкие чер-

ты лица, изящная линия шеи.

За зеркалом обнаружилась дверь. Сара толкнула её и ахнула – перед ней была ванная комната, словно из сказки. Мраморные стены, золотая фурнитура, огромная ванна на львиных лапах. Из окна лился солнечный свет, играя бликами на полированных поверхностях.

Не колеблясь ни секунды, она сбросила грязную одежду и наполнила ванну тёплой водой с ароматной пеной. Когда она погрузилась в воду, усталость словно растворилась. Сара смывала грязь, запуская пальцы в волосы, растирая кожу до лёгкого покраснения.

Выйдя из ванны, она снова подошла к зеркалу. Теперь отражение ошеломило её.

Волосы, освобождённые от грязи, струились по плечам серебристым потоком. Кожа сияла, как перламутр, глаза казались ещё больше, а ресницы – длиннее. Даже шрам на запястье, оставшийся от цепей, выглядел теперь как таинственный узор.

На кровати, аккуратно сложенное, лежало платье. Чёрное, из тончайшего шёлка, с глубоким вырезом и облегающим силуэтом. Ткань переливалась при малейшем движении, подчёркивая каждый изгиб тела. Сара коснулась материала – он был нежным, как дыхание.

Она колебалась. Платье казалось... провокационным. Оно обнажало плечи, облегалось грудь, спускалось до середины бедра, оставляя ноги открытыми. Но другой одежды не

было.

Медленно, нерешительно, она надела его. Шёлк скользнул по коже, словно живой. Когда она посмотрелась в зеркало, то не узнала себя: перед ней стояла женщина невероятной, почти неземной красоты. Чёрное платье контрастировало с её бледной кожей и светлыми волосами, делая образ одновременно невинным и соблазнительным.

Сара распустила волосы – они упали волнами, касаясь обнажённых плеч. Глубоко вздохнув, она открыла дверь и вышла в коридор.

Пол был выложен чёрно-белой мозаикой, стены украшали гобелены с выцветшими сценами битв. Она спустилась по широкой лестнице с резными перилами, чувствуя, как ткань платья ласкает кожу при каждом шаге.

Где она? Замок казался бесконечным: коридоры расходились в разные стороны, двери скрывали неизвестные комнаты, а из окон открывались виды на мрачные леса и высокие шпили башен.

Сара замерла у витражного окна, разглядывая безжизненную равнину за стеклом. В этот момент за спиной раздался голос – мягкий, но с отчётливой ноткой властности:

– Нравится вид?

Она резко обернулась. Он стоял в проёме двери – высокий, с безупречной осанкой, в чёрном камзоле, подчёркивающем широкие плечи. Его глаза, тёмные и непроницаемые, скользили по её фигуре с неспешным вниманием коллек-

ционеру, оценивающего редкий экспонат.

– Кто вы? – спросила Сара, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он шагнул ближе, и в воздухе разлился аромат сандала и чего-то неуловимо металлического – как запах грозы.

– Кристиан. Моё имя – Кристиан. – Он слегка склонил голову, будто представляясь на светском приёме. – А ты... теперь моя служанка.

Сара вскинула бровь. На секунду в её взгляде промелькнуло нечто, от чего у Кристиана ёкнуло в груди – не страх, не покорность, а чистая, не замутнённая дерзость. Она хмыкнула – коротко, почти презрительно.

– Служанка? – Её голос звучал тише, чем она хотела, но в нём звенела сталь. – Вы, должно быть, шутите.

Кристиан замер. Уголок его рта дрогнул – толи в попытке сдержать улыбку, то ли в сдерживаемом гневе. Он сделал ещё шаг, сокращая расстояние до опасного минимума. Теперь он мог разглядеть мельчайшие детали её лица: крошечную родинку у левого виска, дрожащую жилку на шее, лёгкий румянец, проступивший на щеках.

– Шучу? – Он наклонил голову, его голос опустился до шёпота. – О, я предельно серьёзен. Ты находишься в моём замке, в моём мире. И здесь правила устанавливаю я.

Сара не отступила. Её глаза – огромные, голубые – встретились с его взглядом. В них не было мольбы, только упрямое непокорство.

– Тогда, господин Кристиан, – она выделила его имя с едва уловимой насмешкой, – позвольте спросить: разве служанки носят платья из шёлка и спят на шёлковых простынях?

Он рассмеялся – коротко, искренне. Звук получился неожиданно тёплым, почти человеческим.

– О, ты быстро учишься. – Его пальцы невесомо коснулись её плеча, скользнули к ключице. – Но это не меняет сути. Ты – моя. Пока что – служанка. Позже... – он сделал паузу, позволяя ей додумать остальное, – ...возможно, что-то большее.

Сара вздрогнула, но не отстранилась. Её взгляд метнулся к его руке, затем снова к лицу.

– А если я откажусь? – прошептала она.

Кристиан улыбнулся – медленно, опасно. Его пальцы сжались на её плече, не причиняя боли, но давая почувствовать силу.

– Откажешься? – Он склонился ещё ниже, так, что его губы почти касались её уха. – Тогда ты узнаешь, что бывает с теми, кто не ценит мои подарки.

В его голосе звучала не только угроза – там была и другая нотка, почти мольба: «Не испытывай меня».

Сара сглотнула, но её взгляд не дрогнул.

– Подарки? – Она попыталась усмехнуться, хотя сердце колотилось как безумное. – Вы называете пленничество подарком?

Кристиан отстранился, его глаза сверкнули.

– Ты ещё не понимаешь. Но поймёшь. – Он развернулся,

направляясь к двери. – Сегодня ты познакомишься с моими слугами. И тогда... тогда ты осознаешь, что твоё место – не среди них.

Он остановился в проёме, обернулся через плечо.

– И да, Сара... – его голос стал тише, почти интимным. – Я люблю, когда ты хмыкаешь. Это делает тебя... интереснее.

Дверь захлопнулась за ним, оставив её одну— с биением сердца, запахом сандала в воздухе и странным ощущением, что этот разговор был лишь началом чего-то гораздо более опасного. Кристиан развернулся и начал уходить.

Сара рванулась вперёд, едва не споткнувшись о подол чёрного платья. Её пальцы судорожно вцепились в край камзола Кристиана – словно это был последний якорь в мире, который стремительно терял опору.

– Подождите! – её голос дрогнул, но она заставила себя говорить громче. – Объясните, что происходит! Где я? Как сюда попала? Почему ничего не помню?.. И... какое сейчас время?

Кристиан замер. Медленно, с ледяной грацией, обернулся. В полумраке коридора его глаза вспыхнули – не просто потемнели, а загорелись изнутри багровым пламенем, будто в глубине зрачков тлели угли адского костра.

– Ты... – его голос опустился до шёпота, от которого по спине Сары пробежали ледяные иголки. – Ты смеешь хватать меня?

Он не двинулся с места, но воздух между ними сгустился,

стал тяжёлым, как свинец. Сара почувствовала, как пальцы, вцепившиеся в его одежду, начинают неметь.

– Я... я просто хотела... – она попыталась отступить, но его рука взметнулась молнией.

Сара рухнула на холодный мрамор, оглушённая пощёчной. Щека пылала, словно её опалило пламя; в уголке рта ощутилась солоноватая капля – тонкая струйка крови прочертила подбородок. Она с трудом приподнялась на дрожащих руках, взгляд расплывался, в ушах стоял пронзительный звон.

Кристиан не сдвинулся с места. Его фигура вырисовывалась на фоне полумрака – неподвижная, словно изваяние из чёрного камня. Лишь глаза... Они больше не просто горели: в их глубине кружились багровые вихри, будто в бездонных колодцах ада разгоралось невидимое пламя.

– Ты... – его голос прозвучал тише, чем прежде, но от этого стал ещё страшнее. – Ты осмелилась тронуть меня.

Он сделал шаг вперёд. Подошва его сапога с глухим стуком опустилась рядом с её рукой. Сара инстинктивно отдернула пальцы, но он уже навис над ней, как тень смерти.

– Встань.

Она попыталась подняться, но колени подкосились. Он не помог – лишь наблюдал, как она борется с собственным телом, с головокружением, с жгучей болью в щеке. Наконец ей удалось выпрямиться. Она стояла, опустив голову, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони.

– Смотри на меня.

Сара подняла взгляд. В его глазах не было ни гнева, ни ярости – только ледяное, расчётливое презрение.

– Ты ничто, – произнёс он медленно, словно вбивая гвозди в крышку её судьбы. – Пыль. Тень. Но... – он сделал паузу, и в этом «но» прозвучало что-то неуловимо сладкое, – ...я могу сделать тебя больше.

Она нахмурилась, не понимая.

– Я оставляю за тобой статус главной над всеми служанками этого замка. Ты будешь повелевать, распоряжаться, карать. Ты станешь первой среди низших.

Его губы изогнулись в улыбке – не доброй, не тёплой, а хищной, как у волка, который позволяет жертве сделать последний вздох перед прыжком.

– Но запомни: эта власть – мой дар. И ты будешь благодарить меня за неё.

Он шагнул ближе, так что она почувствовала тепло его тела, запах сандала и металла, от которого сжималось сердце.

– На колени.

– Что?.. – прошептала она.

– На колени, – повторил он, и в его голосе зазвучала сталь. – Покажи, что ты понимаешь цену моего милосердия.

И тут внутри Сары что-то лопнуло.

До сих пор она знала лишь страх, растерянность, отчаяние. Но теперь... Теперь в груди вспыхнуло другое чувство. Оно поднималось из глубины, обжигающее, жгучее, как рас-

плавленный металл. Гнев. Чистый, необузданный, всепоглощающий.

Её пальцы сжались в кулаки так сильно, что кожа на ладонях треснула. В глазах потемнело от ярости. Она ненавидела его. Ненавидела за пощёчину, за унижение, за этот ледяной взгляд, за то, как он играл с ней, как с игрушкой, а главное она не понимала, что с ней происходит.

– Скажи это, – приказал он.

Сара медленно опустилась на пол. Мрамор охлаждал кожу сквозь тонкий шёлк платья. Она склонила голову, но не из покорности – из-за того, что не хотела, чтобы он увидел огонь в её глазах.

– Спасибо... – её голос дрогнул, но не от слабости – от усилия сдержать рвущийся наружу крик. – Спасибо за вашу милость, господин Кристиан.

Слова звучали как яд на языке.

Кристиан замер. На секунду в его взгляде мелькнуло... *удовольствие*. Он заметил её ярость. Прочитал её, как открытую книгу. И это его радовало.

– О, ты быстро учишься, – протянул он, и в его тоне прозвучала не насмешка, а почти восхищение. – Но этого мало. Ты должна показать свою благодарность.

Он отстранился, жестом подозвал одного из молчаливых слуг, стоявших в тени.

– Проводите её в покои главной служанки. Дайте ей самую красивую одежду. И пусть к вечеру все в замке узнают: Сара

– их повелительница.

Слуга молча склонил голову. Его пальцы сомкнулись на её запястье – холодные, безжизненные, как у куклы.

– Идите, – бросил Кристиан, уже теряя интерес. – А вечером... вечером ты придёшь ко мне. Мы обсудим твои новые обязанности.

Сара позволила увести себя, но на пороге обернулась.

Он стоял там же – неподвижный, как статуя. Но когда её взгляд встретился с его, он улыбнулся.

И в этой улыбке было всё: власть, угроза, обещание.

А ещё – что-то, от чего её сердце забилося чаще.

Что-то, что она пока не могла назвать.

Но ярость внутри неё не угасла. Она лишь затаилась – как зверь перед прыжком.

Глава 3

Сара стояла посреди покоев, словно зачарованная. Роскошь вокруг подавляла – не восхищала, а давила, как тяжёлый бархат штор, едва колышущихся от сквозняка. Каждый предмет кричал о власти, о чужой воле, о правилах, которые ей предстояло принять.

Щека всё ещё горела. Прикосновение к коже отзывалось острой вспышкой боли – не столько физической, сколько душевной. Пощёчина. Унижение. Его рука, его взгляд, его ледяная усмешка.

«Где я? Кто я теперь? И где... где моя семья?»

Мысли метались, как птицы в клетке. Она пыталась вспомнить: как оказалась здесь? Что было до этой комнаты, до этого платья, до этого замка? Но память рассыпалась на обрывки – смех матери, запах свежескошенной травы, тёплый свет лампы в детской... Всё тонуло в тумане, а на поверхности оставалась лишь он. Кристиан. Его голос. Его глаза, горящие багровым огнём.

Она сделала шаг, потом ещё один, медленно обходя комнату. Пальцы скользили по холодному мрамору стен, по резным узорам комода, по шелковистой поверхности покрывала. Всё было слишком. Слишком богато. Слишком чуждо.

У окна стоял гардероб – высокий, из тёмного дерева с инкрустацией. Сара приоткрыла дверцы. Внутри висели платья

– одно за другим, все как на заказ: облегающие, с глубокими вырезами, с разрезами до бедра, с прозрачными вставками. Ткань переливалась – чёрный шёлк, алый бархат, серебристая парча. Каждое словно кричало: «Надень меня. Покажи себя».

Она вытащила одно – из чёрного кружева, с длинными рукавами и открытой спиной. Ткань была нежной, почти живой, будто дышала под пальцами. Сара сняла платье, и надела новое. Оно облегалo тело, как вторая кожа, подчёркивая каждый изгиб, каждую линию.

В зеркале отразилась незнакомка.

Не девочка из прошлого. Не запуганная пленница. А женщина – красивая, опасная, соблазнительная. Её волосы, вымытые и высушенные невидимыми слугами, струились по плечам, как поток лунного света. Глаза казались огромными, тёмными от тревоги, но в них уже не было прежней покорности.

Сара подняла руку, провела пальцами по пряди волос, начала медленно расчёсывать их. Движение было успокаивающим – одно, второе, третье...

И вдруг – что-то не так.

Её пальцы замерли. В зеркале она увидела это: среди белоснежных волн – тонкая, почти незаметная, но совершенно чёрная прядь.

– Нет... – прошептала она, хватая прядь в кулак, поднося ближе к глазам. – Это... это не может быть...

Но это было.

Чёрная. Как уголь. Как ночь. Как его глаза.

Сердце заколотилось в горле. Она отвернулась от зеркала, снова посмотрела – нет, не иллюзия. Прядь была настоящей.

Почему? Когда? Как?

И тут она поняла.

Гнев.

Тот самый, что вспыхнул в ней, когда он приказал ей встать на колени. Тот самый, что обжёт изнутри, превратив страх в ярость. Она позволила ему. Впервые в жизни она не просто испугалась – она возненавидела.

И это изменило её.

– Что это?.. – её голос дрогнул, сорвался на шёпот. – Что он со мной делает?..

Она прижала ладони к щекам, пытаясь унять дрожь. Но страх уже расползлся по венам, как яд. Что ещё изменится? Что ещё он заберёт у неё?

Дверь тихо отворилась.

Без стука, без предупреждения. В проёме стоял тот самый слуга – бледный, с пустыми глазами, с прямой спиной, как у манекена. Он не произнёс ни слова, лишь кивнул в сторону выхода.

– Пора, – его голос звучал безжизненно, но в нём слышалась незыблемая твёрдость. – Вас ждут на кухне.

Сара сглотнула. Она хотела спросить – зачем? Почему именно сейчас? Но знала: ответа не будет. Только приказ.

Она последний раз взглянула в зеркало. Чёрная прядь сверкала, как предупреждение.

«Я не сдамся», – подумала она, сжимая кулаки. – «Я не стану такой».

Пока они шли по лабиринту коридоров – мимо гобеленов с кровавыми сценами, мимо статуй с пустыми взглядами, мимо дверей, за которыми слышались шёпоты и стоны, – Сара наконец решилась заговорить:

– Почему мне дали такие покои? – её голос прозвучал тише, чем она хотела. – Это не для служанки...

Слуга не обернулся. Он шёл вперёд, словно не слышал вопроса. Но через несколько шагов всё же ответил – так же безэмоционально, но с едва уловимой ноткой предостережения:

– Вы... не просто служанка. Вы – избранная. Господин Кристиан... он говорил с матерью. Я слышал.

Сара замерла на полушаге.

– О чём вы? – она схватила его за рукав, заставляя остановиться.

Слуга медленно повернул голову. Его пустые глаза встретились с её взглядом.

– Он сказал, что вы ему интересны. Не как человек. Как девушка.

Слова повисли между ними, тяжёлые, как свинец. Сара почувствовала, как кровь прилила к лицу.

– Что это значит? – её голос дрогнул. – Почему он... почему я?

– В этом замке слова имеют вес, – повторил слуга, отстраняясь. – Особенно *его* слова. Будьте осторожны.

Он снова двинулся вперёд, и Сара, сглотнув, последовала за ним. Мысли кружились в голове: «интересна *как девушка*... что это могло бы значить ?»

Когда они вошли в кухню, разговоры мгновенно стихли.

Огромное помещение с высокими сводами, заполненное дымом от очагов и паром от котлов. Десятки служанок – в простых серых платьях, с закатанными рукавами, с усталыми лицами – замерли, глядя на неё.

Слуга шагнул вперёд и произнёс громко, чётко, так, чтобы слышали все:

– Перед вами – Сара, ваша новая повелительница. Господин Кристиан даровал ей власть над вами. Отныне её слово – закон.

Тишина.

Только треск огня в очаге, только шипение масла на сковородах.

Потом – перешёптывания.

– Она слишком красива...

– Почему она?

– Это нечестно...

Сара чувствовала их взгляды – колющие, полные зависти, раздражения, даже ненависти. Она не была одной из них. Она была *другой*. И это делало её врагом.

Одна из служанок – высокая, с жёстким взглядом – шаг-

нула вперёд.

– И что же, – её голос звучал насмешливо, – мы теперь должны кланяться тебе, как госпоже?

Сара молчала. Она не знала, что ответить. Она не хотела быть их госпожой. Она просто хотела... вернуться домой.

Но вместо этого она подняла голову, посмотрела прямо в глаза той женщине и произнесла – тихо, но твёрдо:

– Я не прошу поклонения. Я прошу лишь уважения. Я ничего сама еще не знаю...

Смех. Короткий, резкий, как удар хлыста.

– Уважение? – служанка шагнула ближе. – Ты пришла сюда в шёлке и кружевах, а мы... мы моемся в ледяной воде и спим на соломе. Где тут справедливость?

Сара почувствовала, как внутри снова поднимается тот самый гнев – тёмный, жгучий. Но на этот раз она не дала ему попасть в душу. Она лишь сжала кулаки, так что ногти впились в ладони, и сказала:

– Я не выбирала это. Но я принимаю. И вы... тоже должны. У меня нет выбора...

Тишина снова опустилась на кухню.

Изображение сгенерировано ИИ
Автор: Verbena

А где-то в глубине замка Кристиан улыбался. Ведь ему хотелось сделать из неё – себе подобного демона.

Когда шум на кухне стих и служанки, перешёптываясь, вернулись к своим делам, слуга жестом велел Саре следовать за ним. Они вышли в узкий боковой коридор, где царил полумрак и пахло сыростью старого камня.

– Остановитесь здесь, – произнёс дворецкий, поворачиваясь к ней. Его бледное лицо в тусклом свете казалось высе-
ченным из мрамора. – Нам нужно поговорить.

Сара сглотнула, но кивнула. Она чувствовала: сейчас про-
звучат слова, которые изменят всё.

– Вы, вероятно, не понимаете, что происходит, – начал Фридрих, и в его голосе впервые проступила не безжизнен-
ная монотонность, а нечто похожее на... сочувствие? – Поз-
вольте объяснить.

Он сделал паузу, словно взвешивая каждое слово.

— Меня зовут Фридрих, я главный слуга хозяина. Эти
женщины – не просто служанки. Это купленные души.
Кто-то был продан родителями в час крайней нужды, кто-то
сам заключил договор с господином Кристианом в земной
жизни. Их судьбы принадлежат ему. А теперь – и вам.

Сара побледнела.

– Что значит «принадлежат мне»?

– Вы – их повелительница. Ваш приказ для них закон. Хо-
тите – заставьте мыть полы до кровавых мозолей. Хотите –
позвольте отдыхать. Можете лишить даже жизни. Их жизни
– в ваших руках. Но помните: вы для них госпожа, а для гос-
подина Кристиана – такая же служанка.

Его слова ударили, как хлыст. Сара сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

– Почему? Почему я? – прошептала она. – Я ничего не помню. Я не знаю, как оказалась здесь. Вы... вы можете мне рассказать?

Фридрих медленно покачал головой. В его пустых глазах мелькнуло что-то неуловимое – то ли сожаление, то ли предостережение.

– Я не вправе раскрывать все тайны. Хозяин сам решит, что вам следует знать. Но кое-что я могу сказать... – он понизил голос до шёпота. – Вы особенная для него. Не такая, как остальные.

Сара вздрогнула.

– В каком смысле?

– Это не моё дело объяснять. – Дворецкий выпрямился, вновь становясь холодным и отстранённым. – Но запомните: каждый вечер вы должны быть вымыты, ухожены, одеты в лучшее платье. Я буду приходить за вами и отводить в покои господина.

– Зачем?! – вырвалось у неё.

– Это не обсуждается. – Тон Фридриха стал жёстким. – Таков порядок. Такова ваша роль.

Она хотела возразить, но он уже развернулся, собираясь уйти.

– Подождите! – Сара схватила его за рукав. – Хотя бы скажите... почему мои волосы? Почему одна прядь стала чёр-

ной?

Дворецкий замер. На секунду в его взгляде промелькнуло что-то похожее на страх.

– Это знак, – произнёс он наконец. – Знак того, что вы уже начали меняться. Что тьма коснулась вашей души. И чем дольше вы здесь... тем больше её будет. Это ад, здесь не все так, как на Земле.

Он мягко отстранил её руку.

– Готовьтесь. Скоро я приду за вами.

Когда его фигура растворилась в полумраке коридора, Сара прислонилась к холодной стене. В ушах звенело от слов Фридриха, а перед глазами стояло одно: тьма коснулась вашей души.

Она подняла руку, коснулась чёрной пряди. Та лежала на плече, как уголёк, как предупреждение.

«Что же ты со мной делаешь, Кристиан? Получается я умерла и я в аду?» – подумала она, и в этом вопросе смешались страх, гнев и странное, пугающее любопытство.

Где-то вдалеке пробило часы – глухой, тяжёлый звук, будто отсчитывающий последние мгновения её прежней жизни.

Охваченная смутным беспокойством, Сара бродила по замку. Величественные залы, украшенные гобеленами с мистическими сюжетами, чередовались с узкими переходами, где тени казались живыми, а каждый шорох заставлял сердце сжиматься.

Она не искала ничего определённого – лишь пыталась

осмыслить происходящее, впитать атмосферу этого странного места, понять, кто она теперь и где оказалась.

Замок дышал.

Не буквально, конечно. Но Сара чувствовала это: в едва уловимом движении сквозняков, в приглушённых звуках, доносящихся из-за толстых стен, в самом воздухе, насыщенном древними тайнами.

Мраморные лестницы, покрытые узорчатыми коврами, вели то вверх, то вниз, словно играя с ней. Высокие окна, забранные витражами, пропускали свет причудливых оттенков – алый, изумрудный, сапфировый, – превращая обычные коридоры в сказочные галереи.

Сара остановилась перед массивной дверью, украшенной резьбой в виде переплетённых змей. Тяжёлая ручка поддавалась неожиданно легко, и дверь со скрипом отворилась.

За ней оказался просторный зал, почти пустой. Лишь в дальнем конце, у окна, сидела девушка. Её ноги были скованы тяжёлой цепью, прикреплённой к полу.

Сара замерла на пороге, но любопытство пересилило страх. Она медленно подошла ближе.

– Кто ты? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Девушка подняла голову. Её лицо было бледным, но спокойным. В глазах не было ни отчаяния, ни злобы – лишь тихая покорность.

– Меня зовут Элизабет, – ответила она тихо. – Я отбываю

наказание.

– За что? – Сара невольно шагнула ближе.

– Плохо справилась с готовкой, – Элизабет опустила взгляд на свои скованные ноги. – Господин Кристиан разгневался. Теперь я должна сидеть здесь, пока он не решит, что достаточно.

Сара почувствовала, как внутри закипает гнев.

– Это... это бред! – вырвалось у неё. – Ты человек, а не животное!

Она опустилась на колени рядом с Элизабет, разглядывая тяжёлые звенья цепи.

– Позволь, я освобожу тебя.

– Нет! – Элизабет испуганно отпрянула. – Не надо! Если вы сделаете это, наказание падёт на вас. Господин не простит...

– Я теперь главная над всеми служанками, – твёрдо сказала Сара. – Кристиан сам даровал мне эту власть. Ты больше не будешь сидеть в цепях.

Она огляделась, нашла на столе тяжёлый нож для резки бумаги и принялась разматывать цепь. Металл сопротивлялся, но Сара не сдавалась. Наконец, звено поддалось, и цепь упала с ног Элизабет.

Девушка осторожно пошевелила ступнями, словно не веря, что снова свободна.

– Вы... вы правда можете это сделать? – прошептала она.

– Да, – Сара выпрямилась, глядя на неё сверху вниз. – И я

хочу знать всё. Расскажи мне о замке, о Кристиане, обо всём.

Элизабет медленно поднялась. Она была почти одного роста с Сарой, но казалась хрупкой, словно фарфоровая кукла.

– Я живу здесь с рождения, – начала она. – Мои родители отдали меня господину Кристиану, когда я была совсем малышкой. Для меня этот замок – дом. А он... он как брат.

Сара нахмурилась.

– Брат? Но он держит тебя в цепях!

– Это не жестоко, – Элизабет мягко улыбнулась. – Это порядок. Я служу ему, а он даёт мне крышу над головой, пищу, защиту. Без него я была бы никем.

– Ты... любишь его? – вопрос вырвался сам собой.

– Конечно, – без тени сомнения ответила Элизабет. – Он мой господин. Мой спаситель. Я благодарна ему за каждую минуту своей жизни.

Сара молчала, пытаясь осознать услышанное. Для Элизабет всё это было нормой – цепь, наказание, безусловная преданность. Но для Сары подобное смирение казалось невыносимым.

– Ты другая, – вдруг сказала Элизабет, внимательно глядя на неё. – В тебе есть огонь. Я вижу это. Но будь осторожна... огонь может сжечь и того, кто его зажжёт.

Сара невольно коснулась чёрной пряди в своих волосах.

– Что ты знаешь об этом? – спросила она.

– Ничего определённого, – Элизабет покачала головой. – Но в замке говорят: когда душа поддаётся тьме, тьма остав-

ляет на ней след.

В коридоре послышались шаги. Обе девушки замерли.

– Вам лучше уйти, госпожа, – быстро прошептала Элизабет. – Если вас увидят здесь...

Сара кивнула. Она уже повернулась к выходу, но в последний момент обернулась.

– Если тебе понадобится помощь, найди меня. Я не забуду о тебе.

Элизабет склонила голову в знак благодарности, но в её глазах читалась тревога.

Когда Сара вышла в коридор, шаги уже стихли. Замок снова погрузился в тишину – обманчивую, многозначительную, полную невысказанных тайн.

А где-то в глубине, в своих покоях, Кристиан улыбнулся, словно знал всё, что произошло.

Словно ждал следующего шага.

Время тянулось медленно, словно вязкий мёд. Когда последние лучи заката окрасили витражи в багряные тона, Сара вернулась в свои покои. Тишина комнаты давила – роскошной, но чужой, наполненной чужими правилами и чужими ожиданиями.

Она подошла к ванне, уже наполненной горячей водой с ароматом жасмина. Пар поднимался, окутывая её лёгкой дымкой. Сара медленно сняла платье, оставшись в тонкой сорочке. Кожа всё ещё помнила пощёчину Кристиана – пульсирующее жжение, словно клеймо.

Опустившись в воду, она вздрогнула от тепла. Оно обволокло тело, как мягкое одеяло, но не могло согреть душу. Сара закрыла глаза, пытаясь отрешиться от всего, но мысли роились, как пчёлы в улье: Элизабет, цепи, чёрная прядь, приказ Фридриха...

Она долго лежала, позволяя воде смыть усталость и страх, но знала – это лишь иллюзия покоя. Настоящее испытание ждало впереди.

Выйдя из ванны, она вытерлась мягким льняным полотенцем, затем подошла к гардеробу. Внутри висели десятки платьев – все изысканные, все провокационные. Она выбрала самое закрытое: из тёмно-синего бархата, с высоким воротом и длинными рукавами. Ткань была плотной, почти защитной.

Только она успела надеть его и поправить складки, как дверь бесшумно отворилась.

В проёме стоял Фридрих. Его взгляд скользнул по её наряду, и в глазах мелькнуло едва уловимое неодобрение.

– Господин ожидает вас в определённом виде, – произнёс он, протягивая ей платье.

Оно лежало на его ладони, словно живое – полупрозрачное, цвета лунного серебра. Ткань переливалась, едва касаясь пальцев, а сквозь неё просвечивали очертания его руки. Сара невольно вздрогнула.

– Это... – она сглотнула, – я не могу надеть такое.

– Можете, – холодно ответил Фридрих. – И должны. Это

приказ господина Кристиана.

– Нет, – она отступила на шаг. – Я не стану.

Фридрих медленно опустил платье на столик. Его лицо оставалось бесстрастным, но в голосе прозвучала угроза:

– За непослушание следует наказание. Вы ещё не поняли этого?

Сара сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

– Я пойду к нему в этом.

Дворецкий лишь покачал головой.

– Как пожелаете. Но последствия будут на вашей совести.

Он развернулся и направился к выходу. Сара последовала за ним, сердце колотилось в горле.

Коридоры казались бесконечными. Каждый шаг отдавался эхом, словно замок насмеялся над ней. Наконец они остановились перед массивной дверью из чёрного дерева, украшенной резьбой в виде переплетённых змей. Фридрих толкнул её – и она распахнулась с тихим скрипом.

Сара вошла.

Комната была огромной, погружённой в полумрак. Лишь несколько свечей мерцали на столе, отбрасывая дрожащие тени на стены. В дальнем конце, у окна, спиной к ней стоял Кристиан.

Тишина.

Она замерла на пороге, не зная, что сказать.

– Ты осмелилась не подчиниться, – его голос прозвучал

тихо, но от этого стал ещё страшнее. – Ты думаешь, я шутил?

Он медленно обернулся. В его глазах пылал багровый огонь – не просто гнев, а ярость, холодная и расчётливая.

– Я... я не хотела... – начала она, но он уже шагнул к ней. Резкое движение – щелчок пальцев.

И в тот же миг её платье изменилось.

Ткань стала прозрачной, как паутинка, облекая тело, просвечивая каждую линию, каждую тень. Сара вскрикнула, инстинктивно пытаясь прикрыться руками, но ткань словно прилипла к коже, не давая возможности скрыть наготу.

– Нет! – она попыталась сорвать платье, но оно не поддавалось.

Кристиан оказался рядом в одно мгновение. Его рука взметнулась – и новая пощёчина обожгла щёку.

– Ты будешь делать то, что я скажу, – его голос звучал почти ласково, но в нём таилась угроза. – Или я научу тебя послушанию.

Слезы брызнули из её глаз. Она хотела закричать, но голос застрял в горле.

Он схватил её за волосы, заставляя поднять голову.

– Сейчас мы ужинаем. Ты будешь сидеть за этим столом. Ты будешь слушать меня. Ты будешь подчиняться. Иначе... – он наклонился ближе, его губы почти касались её уха, – ... я найду способ заставить тебя.

Он толкнул её к столу, заставленному изысканными блюдами. Сара упала на стул, дрожащими руками пытаясь при-

крыться.

Кристиан сел напротив. Его взгляд скользил по её телу, как лезвие ножа.

– Ешь.

Она не могла. Горло сжалось, желудок скрутило от страха.

– Ешь, – повторил он, и в его голосе прозвучало что-то, от чего по спине пробежал ледяной озноб.

Сара взяла вилку. Руки дрожали так сильно, что прибор едва не выпал.

А где-то в глубине замка часы пробили полночь.

И тьма вокруг них стала гуще.

Свечи на столе мерцали, отбрасывая дрожащие блики на лицо Кристиана. В их свете его черты казались резче, глаза – глубже, а улыбка – острее клинка.

– Знаешь, – произнёс он, медленно проводя пальцем по краю бокала, – тебе было всего девятнадцать дней, когда твои родители продали тебя мне.

Сара замерла. Вилка выпала из рук, глухо стукнув о тарелку.

– Что?..

Он рассмеялся – холодно, без тени веселья.

– О, не делай такое лицо. Всё просто: они хотели богатства, стабильности, жизни без лишений. А ты... ты была лишь помехой. Маленьким, бесполезным существом, которое легко обменять на золотые монеты и роскошный дом.

– Нет, – она прошептала, но голос дрогнул. – Мои роди-

тели... они любили меня...

– Любили? – Кристиан наклонился вперёд, и в его глазах вспыхнул багровый огонь. – Они оплакивали тебя публично, да. Но знаешь, что они делали наедине? Смеялись. Родовались. Твоя мать сейчас беременна – долгожданным ребёнком, который не будет обузой.

Слова врезались в сознание, как осколки стекла. Сара почувствовала, как мир вокруг теряет чёткость, как реальность расплывается в тумане боли и неверия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.